

СВІТОВЕ ГОСПОДАРСТВО

І МІЖНАРОДНІ ЕКОНОМІЧНІ ВІДНОСИНИ

УДК 339.9

Л. И. Антошкина,

О. П. Сологуб

ПРОГНОЗЫ ГЛОБАЛЬНОЙ КОНКУРЕНЦИИ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

***Анотація.** Досліджено тенденції економічного протистояння основних центрів та економічно-політичних союзів глобалізованого світу.*

***Ключові слова:** глобалізація, конкуренція, світова економіка.*

***Summary.** A look at tendencies of economic opposition of the major centers and economic and political coalitions of the world.*

***Key words:** globalization, competition, global economy.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Постановка проблемы. Выход из рецессии основных экономик мира не устранил все последствия кризиса глобальной экономики. Более того, стали усиливаться тенденции экономического противостояния в конкурентной борьбе основных мировых игроков за влияние практически на всех рынках. В качестве этих игроков традиционно конкурируют США, Европейский Союз, Япония, Китай, Россия, а также сравнительно «молодые» экономико-политические союзы, которые претендуют на некоторые позиции «сильных мира сего» — БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай), Единое экономическое пространство — ЕЭП (Россия, Казахстан, Беларусь) и др. Относительно шансов традиционных и «молодых» игроков в переделе глобальной экономики высказываются разные мнения, даются противоречивые оценки, предлагаются всевозможные прогнозы.

Проблема состоит в том, что в попытках представить будущее глобализированного мира часто сильны не научные аргументы, а корпоративные интересы исследователей разных стран. Вследствие этого возникают вполне конкретные сложности при формировании практической политики для решения актуальных экономических и социальных задач как национального, так и геополитического характера. Актуальность проблемы состоит ещё и в том, что конкуренция сильных прямо или косвенно влияет и на развивающиеся страны, которые, как правило, не имеют ресурсов для самореализации и вынуждены делать выбор между центрами сил. Обоснованность этого выбора предопределяет их будущее.

Цель статьи — дать научный анализ концепций глобального противостояния, занимающих наиболее заметное место в современной дискуссии.

Изложение материалов исследования. Мировой финансовый кризис не только принёс ко-

лоссальные убытки большинству стран мира, но и перевернул всеобщие представления о современной экономике. К концу 2009 года мир стал постепенно отходить от экономического шока, но глобальная рецессия была главным событием не только в области экономики; она заставила менять многие устоявшиеся методы в политике и в разных сферах жизни общества. Было бы странно, если бы случилось иначе: сотни миллионов людей по всему миру остались без работы, а многие правительства были вынуждены серьёзно урезать расходы. Хаос в экономике стал одной из главных тем обсуждения как среди политических лидеров, так и среди рядовых жителей.

Всеобщее беспокойство подогревалось чрезвычайно мрачными прогнозами аналитиков и экспертов, подчас рисовавших совсем уж апокалиптические сценарии будущего. Мир морально подготовился ко второй Великой Депрессии. Как выяснилось, пессимисты, нагнетавшие панику, несколько переборщили, но экономические показатели по итогам года действительно оказались беспрецедентно слабыми — рецессии такой глубины в послевоенную эпоху ещё не было. Достаточно сказать, что впервые за более чем 60 лет глобальная экономика сократилась, по данным МВФ, на 1,1 %. Для сравнения, даже во время весьма суровой рецессии 1982 года мировой ВВП поднялся на 0,9 %.

Впервые за долгое время кризис поразил не периферию мировой экономики — развивающиеся страны, а её «сердце». Все государства «Большой семёрки» по итогам 2009 года зафиксировали спад ВВП; то же самое произошло в подавляющем большинстве «клуба богатых стран», например, входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).

© Л. И. Антошкина, О. П. Сологуб, 2015

В развивающихся странах ситуация различная. На одном полюсе находятся Китай и Индия, которые, хоть и столкнулись с рядом трудностей, всё же смогли сохранить достаточно высокие темпы экономического роста. На другом полюсе расположились государства Восточной Европы (Россия, Украина, Беларусь, Литва, Латвия и др.), где спад оказался намного глубже, чем в ведущих странах Запада.

На этом фоне крупнейшие развивающиеся страны Азии продемонстрировали, что даже такой кризис не стал помехой их развитию: Китай, Индия, Вьетнам и Индонезия завершили 2009 год с ростом ВВП, хотя темпы подъёма существенно снизились.

Китай заслуживает особого упоминания. Нельзя сказать, что кризис совсем не коснулся КНР — для десятков миллионов внутренних мигрантов, ежегодно на время переезжающих из сельской местности в крупные промышленные центры, сокращение объёмов производства стало настоящей катастрофой. Эти люди не имеют практически никаких трудовых гарантий, и в условиях урезания издержек их контракты стали аннулировать первыми. Конечно, традиционно высокий для Китая уровень безработицы среди сельского населения от этого резко не изменился, но с политической точки зрения имел определённые негативные последствия, например, в том, что адекватно повысилась эмиграция. Однако в остальном правительству страны удалось справиться с эффектом от финансовых неурядиц за рубежом.

Китай потратил на программы стимулирования экономики 586 млрд. долларов [1]; относительно национального ВВП это самый высокий показатель в мире. Кроме того, были отменены чрезвычайно жёсткие ограничения на банковское кредитование, в результате чего его объём вырос в 1,5 раза. Эти меры были направлены на стимулирование внутреннего спроса для того, чтобы компенсировать падение доходов китайских производителей из-за снижения экспорта. К весне 2010 года промышленность вновь начала увеличивать объёмы производства. Несколько подросло потребление, причём в некоторых сегментах — весьма резко: Китай стал лидером по объёму продаж автомобилей (более 10 млн. из расчёта за год); аналогичная динамика наблюдается на рынках сотовой связи и ряда других потребительских товаров.

Таким образом, китайская экономика не только не впала в рецессию, но и сумела (судя по предварительным квартальным данным и прогнозам) поддержать «удовлетворительные» темпы роста в 8 % в год. В январе, кстати, выяснилось, что после пересчёта данных за 2007 год ВВП Китая превзошёл по объёму германский, то есть по валовому значению ВВП. Вопреки ожидани-

ям, Китай по итогам 2009 года так и не опередил Японию по объёму ВВП. Рост ВВП Японии в четвёртом квартале в годовом выражении составил 4,6 %, то есть превысил прогнозы и позволил стране сохранить за собой позицию второй крупнейшей экономики мира. В конце 2009 года, после того как власти Китая пересмотрели данные о ВВП за 2009 год в сторону повышения, появились оценки, согласно которым китайская экономика должна была обогнать японскую ещё в четвёртом квартале 2009 года. Однако эксперты полагают, что в 2010 году Китай всё же мог опередить Японию в экономическом рейтинге: ВВП Японии в 2009 году составил 5,27 трлн. долларов, а Китая — 4,9 трлн. долларов [2]. Вторую позицию в мире Япония занимает с 1968 года, когда обошла Германию.

Статистические сравнения экономик по валу практически ничего не объясняют по части качества роста: если рост ВВП Японии ещё более упрочивает социальные стандарты её населения, то Китаю остаётся лишь тешиться огромностью своей экономики, которая никак не снижает запредельный уровень нищеты абсолютно большей части населения. Это значит, что пользу от роста физического объёма ВВП присваивает относительно небольшой слой населения (о чём свидетельствует невероятный для развивающейся страны разрыв доходов населения) и государство (что позволяет ему направлять огромные средства на военные нужды и на весьма неплохое содержание быстро растущего бюрократического аппарата). При таком использовании общественного продукта Китай в обозримом будущем не станет серьёзным центром силы в экономическом противостоянии с другими центрами социально-экономического могущества, во всяком случае — в одиночку.

Ведущие мировые игроки, прежде всего США, многое сделали, чтобы превратить Китай в «мастерскую мира» и тем самым почти полностью поставить его экономику в зависимость от внешнеэкономической конъюнктуры. Вывода мощности многих тысяч предприятий за рубеж, прежде всего в свободные экономические зоны Китая, США, с точки зрения сегодняшней безработицы, создали определённые проблемы для себя (которых могло и не быть, не случись глобальный кризис), но ещё большие проблемы — для Китая. Его «бездонный» внутренний рынок не может поглотить всё, что промышленность может изготовить по причине нищеты населения, а восстановить резко упавший экспорт будет чрезвычайно трудно, потому что в странах-покупателях снизилась покупательская активность населения и эти государства стали активнее применять протекционистские меры для защиты своей экономики.

Таким образом, подобная экспортная ориентация Китая (когда фактически игнорируются состояние внутреннего рынка и уровень жизни населения) вряд ли может стать примером для какой-либо другой страны. У богатых же стран сейчас по части импорта есть большой выбор: китайский ассортимент товаров им может предложить любая страна Азии — Вьетнам, Индонезия, Индия, Таиланд и др. Следовательно, можно выбирать, где предложат дешевле.

Лидером в этом процессе выступили США, чья новая администрация, похоже, не столь привержена принципам свободной торговли, как это было раньше. В феврале 2009 года американский Конгресс принял план поддержки экономики гигантской суммой — в 786 млрд. долларов. Лозунгом плана стало «покупай американское», то есть при реализации прописанных в нём мер предпочтение отдаётся внутренним производителям. Данный факт вызвал возмущение в мире, так что американцы были вынуждены сделать оговорку — на ЕС, Японию, Канаду и ещё нескольких торговых партнёров США этот принцип не распространяется. Зато Китай и другие развивающиеся страны оказались от этого многомиллиардного приза фактически отстранены.

К концу 2009 года из состояния технической рецессии выбрались основные экономики Западной Европы: в третьем квартале — Германия, Франция и Италия, несколько позже — Великобритания и Испания. ВВП Германии, крупнейшей экономики Европы, вырос в третьем квартале на 0,7 %, но в целом за 2009 год сократился на рекордные в послевоенный период 5 %. ВВП Италии сократился на 0,2 %, а Испании — на 0,1 %. Таким образом, испанская экономика сокращается на протяжении семи кварталов подряд. В то же время во Франции рост ВВП ускорился до 0,6 %. Во многом за счёт этой страны экономика Еврозоны смогла вырасти на 0,1 %, однако в целом её состояние оказалось значительно хуже прогнозов. Основной причиной для резкого замедления роста в Европе стала высокая безработица, оказывающая серьёзное давление на потребительский спрос в странах континента [3]. Конечно, без беспрецедентной накачки экономики ликвидностью центральных банков положение было бы намного хуже. Фондовые рынки Еврозоны, как и всего мира, в результате такой поддержки демонстрировали уверенность в новом подъёме.

Однако для оптимистичных прогнозов будущего Еврозоны как одного из центров силы в глобальной экономике сохраняется всё меньше оснований. Главная причина заключается в структурной специфике и правилах функционирования этого объединения: помимо основателей союза — сильных экономик Германии, Франции, Италии, Великобритании — в него в более позд-

ние годы вошли сравнительно слабые экономики Испании, Португалии, а затем — и откровенные аутсайдеры — Греция, Кипр, страны бывшего «социалистического содружества» (Польша, Литва, Латвия, Эстония и др.); в этом «конгломерате» «богатые» должны были помогать «бедным» подтягиваться до их уровня и выполнять за свой счёт многие другие затратные обязанности для «общего блага». Поскольку «бедные» не отличались особыми трудолюбием, дисциплиной и ответственностью, но уже привыкли к своей «особой роли» в объединении как «жертвы», например, «советской системы», обычными стали раздоры и конфликты при решении вопросов солидарного характера, в частности, когда нужно было строже регулировать бюджетную политику, вводить в определённые рамки заимствования, государственный долг и т. д.

В 2007–2008 гг. на грани дефолта оказалась Латвия, близко подошла к этой черте Литва, что потребовало от «богатых» проведения непопулярных среди собственного населения «спасательных операций». Последний пример подобного рода — финансовые проблемы суверенного хронического должника — Греции. Долгое время экономика этой страны держалась за счёт иностранных кредитов, привлекавшихся по низким ставкам. Вследствие кризиса такой способ финансового обеспечения иссяк, и выяснилось, что страна задолжала более 100 % годового ВВП. Рефинансироваться грекам теперь сложно, поскольку к ним уже не относятся как к надёжному должнику и, соответственно, — требуют большие проценты.

По Европе поползли слухи о том, что Греция не сможет спастись от дефолта без помощи извне. Правительство страны это отрицает, но факты и цифры говорят о том, что положение в государственных финансах критическое. В Европе пока не существует единого мнения о возможных мерах по долгам Греции. К примеру, министр финансов Швеции высказался в том духе, что раз уж греки сами влезли в долги, пусть теперь сами и выкручиваются. Особые «взгляды» направлены на Германию, которая, якобы, и повинна в образовании греческих долгов. Скорее всего, Брюссель всё же поддержит Афины. В противном случае Еврозоне грозят серьёзнейшие потрясения: доверие к евро, которое окажется неспособным защитить входящие в европейский валютный союз страны, будет подорвано, а позиции Евросоюза в глобальной экономике мира значительно ослабнут. Нет никаких гарантий, что в ближайшем будущем не всплывут и новые очаги экономических неурядиц. В числе «тонких мест» европейской экономики сейчас называют Ирландию и Испанию; далеки до разрешения финансовые проблемы стран Прибалтики; тревожные сигналы поступают из Италии. Все эти примеры наглядно по-

казывают, что до преодоления всех последствий мирового кризиса на европейском экономическом пространстве пока ещё чрезвычайно далеко, а разрешить их политическими декларациями о евроединстве невозможно.

Мировой экономический кризис основательно потряхнул и США. Безработица держится на уровне 9,7 % (около 14 млн. человек, по состоянию на 1 марта 2010 года); всё ещё опасны тенденции на рынке недвижимости и ипотеки; за 2009 год ВВП сократился на 2,4 %. В то же время американская экономика подросла на 5,7 % в четвёртом квартале, который стал вторым плюсовым кварталом подряд после года спада [4]. Есть и другие очевидные признаки выздоровления крупнейшей экономики мира; в частности, заметно активизируется автопром как структурообразующая сфера национальной экономики, начали действовать правительственные стимулы в науке, сфере инноваций и высокотехнологичных производствах. В сравнении с положением других претендентов на первенство в глобальном экономическом противостоянии, у которых даже ближайшее будущее выглядит весьма неопределённо, перспективы США на продолжение лидерства более убедительны. Однако спектр мнений на этот счёт имеет разнонаправленные векторы, и потому без специального их анализа невозможно выдать рекомендации тем, кто связывает будущее своей экономики, политической системы, уклада жизни с американской социально-экономической моделью.

Американский пример всегда был привлекателен для многих развивающихся стран именно тем, что выводился не из идеологических лозунгов и пропаганды, а базировался на практических, зримых ощущениях. Удар глобального кризиса не выдержало большинство систем, американская же устояла. Теперь всем интересно, насколько сохранилась её прочность, не пойдут ли «трещины» в фундаменте и здании американской системы, и могут ли чувствовать себя в безопасности те, кто глубоко интегрировал свои надежды в эту систему. Общая ретроспектива спектра мнений по этому поводу свидетельствует о наличии двух противоположных сценариев будущего американской системы — пессимистического и оптимистического.

Пессимистический прогноз

Соединённые Штаты может ожидать внезапный коллапс — такое драматическое явление сделал профессор Гарвардского университета и Гарвардской бизнес-школы Найолл Фергюсон [5]. Несколько столетий считалось, что великие державы возникают, крепнут и близятся к упадку постепенно, напоминает он. «Точно так же проблемы США часто описываются как зреющие медленно», — пишет автор. Он перечисляет такие вызовы, как старение населения, усугубляющее нагрузку на государство, рост китайской эконо-

мики и климатические изменения. Далее автор рассуждает: но что если ход истории не циклический и неторопливый, а, напротив, — аритмический — она то стоит на месте, то вдруг набирает скорость, точно гоночный автомобиль? В сложных системах, каковыми являются великие державы, некий незначительный фактор может нарушить равновесие и стать толчком к кризису.

Историки задним числом объясняют кризис долговременными тенденциями и тем самым неверно толкуют сложность системы. На деле «незначительное влияние на сложную систему может спровоцировать колоссальные, часто неожиданные перемены — то, что учёные называют «эффектом усилителя», — утверждает Н. Фергюсон. Например, почти невозможно предсказать масштаб лесного пожара в момент его зарождения. В политике самым недавним примером резкого упадка является распад СССР, — отмечается в исследовании [5]. Казалось бы, ничто не предвещало этого события: советский ядерный арсенал был больше американского, а правительства Третьего мира склонялись в сторону СССР. Что касается современных США, то «гибель империй в большинстве случаев связана с фискальными кризисами», — предостерегает Фергюсон, напоминая, что в 2010 году Америку ожидал бюджетный дефицит в размере более 1,5 трлн. долларов, то есть около 11 % ВВП. Однако столь же важную роль играет субъективное восприятие: «Статистика, приведенная выше, сама по себе не может ослабить мощь США, но может способствовать ослаблению слепой веры в способность США выдержать любой кризис». Однажды словно бы случайная дурная новость — допустим, негативная оценка рейтингового агентства — попадёт на первые полосы, и о качестве фискальной политики США вдруг забеспокоятся рядовые граждане и зарубежные инвесторы. Сложная адаптивная система оказывается в тяжёлом положении, когда её составные части утрачивают веру в её жизнеспособность, — поясняет автор статьи. По его мнению, следующая фаза текущего кризиса может начаться, когда население поставит под сомнение монетарные и антикризисные меры. Доходность гособлигаций может резко подскочить, если изменятся прогнозы относительно платёжеспособности правительства, и фискальный кризис ещё более усугубится, — считает Фергюсон, ссылаясь на пример Греции. Империи ведут себя, как все сложные адаптивные системы: непредсказуемо долго функционируют нормально, а затем внезапно рушатся, — пророчит учёный [5].

Конечно, исследователь может по-своему трактовать те или иные современные явления, препарировав их с помощью исторического опыта. Прогноз Фергюсона — один из многих, когда учёный придаёт чрезмерное значение истории.

Современный опыт многих стран, в том числе и США, свидетельствует о способности сложных экономических систем выживать даже в таких катастрофических обстоятельствах, которых давняя история вообще не знала (выход США из Великой Депрессии, послевоенное возрождение Японии и Германии). Приведенный Фергюсоном пример распада СССР вообще не корректен как сценарий, который повторяют США — системы, построенные на идеологии насилия, долго не живут. Америка к такому роду империй отношения не имеет. Наконец, преувеличенное значение исследователь придаёт старению населения США (что является спорным аргументом; ситуацию прояснит перепись населения страны, которая началась 15 марта 2010 года) и экономическому росту Китая (впечатляющая статистика роста ВВП при сохраняющейся бедности огромного по численности населения, отсталости материальной базы и структуры экономики за пределами свободных экономических зон совсем не свидетельствует о факторе китайской угрозы для главных глобальных центров сил мира в настоящее время и в обозримом будущем).

Другой пример пессимистического прогноза в отношении США связан с предсказанием динамики противостояния США и Европы. Эксперты Бостонской консалтинговой группы (Boston Consulting Group, BCG) констатируют, что Европа потеснила Северную Америку «на позициях самого богатого региона мира» [6]. Кризис перекраивает карту мирового частного капитала, и американские инвесторы, активно вкладывающие в акции, несут более существенные потери. Глобальное снижение стоимости активов в управлении за 2008 год составило 11,7 %, или 92,4 трлн. долларов. В 2007 году глобальный частный капитал достигал 104,7 трлн. долларов [6]. Падение зафиксировано впервые за время проведения исследования — с 2001 года. На фоне кредитного кризиса фондовые индексы показали максимальное падение со времён Великой Депрессии, стоимость недвижимости, активов хедж-фондов и фондов прямых инвестиций в 2008 году также упала. Индекс S&P500 в 2008 году показал падение на 38 % — максимальное с 1937 года [7]. Последние несколько лет стали для отрасли периодом очень существенного подъёма, рынки росли, частные состояния увеличивались и инвестиционные управляющие получали все больше средств от клиентов. Эта эпоха подошла к сокрушительному финалу в 2008 году, — комментирует агентство Bloomberg [8].

По данным BCG, самое резкое сокращение стоимости активов в управлении отмечено в Северной Америке — минус 21,8 %. При этом в данном регионе доля капитала, размещённого в акции, за год упала с 50 % до 38 %. Тем не менее этот

показатель является самым высоким среди регионов мира. В Европе объём активов в управлении сократился на 5,8 % — до 32,7 трлн. долларов. Теперь Европа опередила США, где после более существенных потерь по итогам 2008 года частный капитал составляет 29,3 трлн. долларов.

Единственным регионом, показавшим рост, стала Латинская Америка. Число домохозяйств с миллионным состоянием по всему миру сократилось с 11 млн. до примерно 9 млн., то есть на 17,8 %. В США их число по-прежнему остаётся самым высоким среди всех регионов мира — 4 млн.; тем не менее в Северной Америке и Европе было зафиксировано самое резкое падение показателя в 2008 году — на 22 % [6]. Это согласуется с данными аналитиков Capgemini SA и Merrill Lynch, которые в июне 2009 года подсчитали, что число миллионеров сократилось на 15 % — до 8,6 млн. Максимальная концентрация миллионных состояний сейчас в Сингапуре, где доля домохозяйств с капиталом в миллион долларов или более составляет 8,5 %. Далее следуют Швейцария (6,6 %), Кувейт (5,1 %), ОАЭ (4,5 %) и США (3,5 %). BCG подчёркивает, что в этом списке заметную роль играют государства Ближнего Востока [6].

Партнёр BCG и один из авторов доклада Питер Дэмиш прогнозирует постепенное восстановление частного капитала начиная с 2010 года, но докризисный уровень может быть достигнут не раньше 2013 года. «За период с конца 2008 до 2013 мы прогнозируем в среднем годовой темп роста около 4 %. Быстрее всего, с темпом в 9,5 % в год, частный капитал будет расти в Азиатско-Тихоокеанском регионе (без учёта Японии), — прогнозирует эксперт [8]. В этих выкладках отсутствуют позитивные ожидания относительно США, что свидетельствует об отсутствии у исследователей аргументов для оптимизма.

Вообще же, их прогноз носит не категорический, а, скорее, мировоззренческий характер: до сих пор считалось, что в Америке всего должно быть много и больше, чем где бы то ни было, особенно миллионеров. Теперь их прослойка стала меньше, чем в ряде европейских и азиатских стран — вот и повод для глубокого пессимизма. Конечно, совсем серьёзно «драматизм» такого прогноза в отношении страны, по-прежнему имеющей самые высокие абсолютные и относительные макроэкономические показатели, воспринимать нельзя.

Гораздо больше серьёзного внимания заслуживают прогнозы, авторы которых пытаются уйти из-под влияния устойчивых стереотипов и предрассудков и привлекают для анализа перспектив страны комплексный набор показателей. Один из них — Стивен Хилл, руководитель программы политических реформ при Новом американском фонде — вашингтонском аналитическом

центре либеральной направленности — в начале 2010 года опубликовал книгу, одно название которой вызывает раздражение у американцев-консерваторов: «Перспективы Европы, или Почему европейский путь — наша лучшая надежда на будущее». Комментарии к этой книге, которые дало агентство «Reuters» (Великобритания), содержат следующие аспекты. Как иногда замечают иностранцы, приезжающие в США, фразы типа «мы самые лучшие» и «Америка впереди планеты всей» зачастую с глубочайшей убежденностью произносятся гражданами, никогда в жизни не выезжавшими из страны, а значит, не представляющими, с чем они её сравнивают. (Заметим: при современном уровне коммуникаций и наличии Internet практически в каждой американской семье мнение граждан о своей стране вряд ли следует примитивизировать столь иронично).

В то же время можно согласиться с таким аргументом С. Хилла: большинство американцев пребывают в блаженном неведении относительно достижений европейцев; но и здесь нужно сделать поправку на менталитет, в частности, — аполитичность большинства из них: они заняты работой, семьёй, детьми, имеют возможность отдыхать, получать за свой труд необходимый им набор жизненных благ, у них не принято заглядывать в окно к соседу (в том числе и европейскому), на их традиционный уклад не сильно повлиял глобальный кризис; они не знают, что такое политические дразги и паралич власти, столь характерные для многих европейских стран. Естественен вопрос: что же плохого в таком «блаженном неведении» американцев о «достижениях» европейцев?

Подобренные С. Хиллом факты и данные сравнительной статистики показывают, что США отстают от Европы практически по всем поддающимся измерению социально-экономическим параметрам. Европа, точнее — Европейский Союз, объединяющий 27 стран с населением почти 500 млн. граждан, по объёму экономики равен США и Китаю вместе взятым. В Европе действует 179 крупнейших компаний мира, в США — 140. Американские компании в Европе получают прибылей в 20 раз больше, чем в Китае [9]. С. Хилл огорчается тем, что большинство американцев с этими фактами не знакомы. Он обвиняет американские СМИ в том, что они позиционируют Европу как регион, постоянно находящийся в кризисе, с впавшей в маразм экономикой, с налоговой системой, уничтожающей всякий стимул личной инициативы, с уровнем жизни ниже американского, а также с общей системой здравоохранения, длинными отпусками и заметно меньшей продолжительностью рабочего дня, что и объясняет низкие темпы роста и стагнацию. С. Хилл не согласен с этим; он подчёркивает, что его взгляды разделяют Нобелевские лауреаты по

экономике Джозеф Стиглиц (Joseph Stiglitz) и Пол Кругман (Paul Krugman), которые тоже смотрят на Европу с оптимизмом. В частности, П. Кругман в статье [10] отмечает, что Европу часто приводят как пример того, что высокий уровень налогообложения богатых и льготы для менее обеспеченных убивают экономический прогресс, но это не так, а европейский опыт демонстрирует обратное: стремление к социальной справедливости и прогресс идут рука об руку. Просто удивительно, что такую «европейскую идиллию» не видят политики и учёные Евросоюза, но «ощущают» Стиглиц, Кругман и Хилл (кстати, не приводя никаких доказательств).

Конечно, время покажет, насколько оправдан оптимизм этих исследователей в отношении прогресса Европы и пессимизм относительно будущего США. Однако уже сейчас заслуживают внимания некоторые рассуждения С. Хилла о системе американского капитализма, государственного капитализма Китая и показателях измерения экономического развития государств.

С. Хилл утверждает, что ни построенный на власти Уолл-стрит и на теории «просачивания благ сверху вниз» американский капитализм, ни государственный капитализм Китая не станут ключом к будущему мира. Темпы роста китайской экономики, конечно, внушительны, но страна по сути остаётся подрядчиком Запада, к тому же её раздирают внутренние противоречия, — подчёркивает С. Хилл [9]. Он критикует сторонников теории, согласно которой Китай в этом веке станет сверхдержавой, а к 2035 году обгонит США по ВВП. Он предлагает вспомнить аналогичные долгосрочные прогнозы, которые делались в прошлом. К примеру, на стыке столетий видные стратеги пророчили, что к 2020 году Аргентина станет мировой державой, а ещё в конце 1980-х годов на роль мирового лидера пророчили Японию. Сейчас об этих прогнозах стараются не вспоминать. С. Хилл иронизирует по поводу пророчеств об отходе мирового господства к так называемой «большой двойке» — США и Китаю. Мрачные прогнозы в отношении Европы, вызванные долговым кризисом в Греции, из-за которого возникли вопросы о состоянии здоровья евровалюты, имеющей обращение в 16 странах ЕС, С. Хилл считает преждевременными и преувеличенными. Но и в данном случае С. Хилл предлагает верить его «ощущениям».

Критикует С. Хилл и принятое в мире изменение экономического развития государств по ВВП на душу населения, так как в нём не учитывается соотношение трансакций, улучшающих благосостояние страны, и трансакций, которые его снижают. Он приводит пример: доллар, потраченный на то, чтобы отправить подростка в тюрьму, точно так же приплюсовывается к ВВП, как и

доллар, потраченный на его образование [9]. По Хиллу получается, что в «благополучной» Европе озабочены только образованием подростков, а в США — только их тюремным устройством. На самом же деле, проблема подростковой преступности в европейских странах ничуть не менее тревожная, чем в США. Поэтому при разработке прогнозов будущего любой страны нужно учитывать весь круг их проблем и пользоваться при этом общепринятыми методиками, тем более, что кроме критики этих методов Хилл ничего не предлагает по части их совершенствования.

Своё исследование С. Хилл завершает анализом качества жизни в Европе и США; согласно Хиллу, в Европе жить лучше. В длинном списке индексов, измеряющих качество жизни в отрыве от ВВП, — от степени неравенства доходов и доступности медицины до средней продолжительности жизни, детской смертности и уровня бедности — США оказываются не на первых местах. За последние 30 лет американский журнал *International Living* составил собственный индекс качества жизни, основанный на стоимости потребительских товаров, культуры и отдыха, экономике, экологии, свободе, здравоохранении, состоянии инфраструктуры, безопасности и климате. Хилл констатирует, что в этом списке пять лет подряд лидирует Франция, а США занимают седьмое место [9]. В этом сравнении очевидна некорректность: если во Франции жизнь, по некоторым показателям, лучше, чем в США, то это совсем не значит, что Францией можно подменить весь Евросоюз из 27 стран. Для доказательства правильности своих ощущений нельзя подвёрстывать факты; структура ЕС настолько разнородна, что благополучие Франции не может перекрыть плачевное состояние экономики Греции, стран Балтии и ещё почти десятка стран Западной и Восточной Европы.

Свою систему аргументов, которые должны подтвердить благоприятный для Европы прогноз, приводит Стефан Тейл в журнале «*Newsweek*» [11]: с 2000 по 2008 годы европейские страны создали на 9 млн. рабочих мест больше, чем США и обеспечили более низкий уровень безработицы; Франция и Германия неожиданно вышли из рецессии раньше, чем Америка, благодаря возрождению экспорта и более стабильному розничному потреблению. По прогнозам МВФ, с 2013 года темпы роста в еврозоне, при расчёте на душу населения, почти вдвое опередят американские. Америка утрачивает многие конкурентные преимущества: её банки и кредитные карты «захромали», бюджетный дефицит в 2010 году, вероятно, достигнет 94 % ВВП, а в ЕС — лишь 79 %, — прогнозировал С. Тейл. Он сослался на расчёты экономиста Эдмунда Фелпса, который утверждал, что после кризиса «естественный» уровень безработицы в США повысится с 5 % до 7 %

или более, что близко к «естественному» европейскому — 7,5 %. Согласно данным ВСГ, в 2009 году Европа превзошла США по ВВП. На этом основании С. Тейл предполагает, что финансовый кризис сделал европейскую «мягкую» модель капитализма более предпочтительной для многих стран, включая США.

В условиях кризиса, по мнению Тейла, ЕС также опроверг представления, будто он неспособен на слаженные действия. Германия фактически гарантировала, что богатые члены ЕС не допустят банкротств государств зоны евро. Тем самым, якобы, укрепились репутация евро как единственной альтернативной резервной валюты, если не считать доллара. На данный момент центробанки создают 50 % новых резервов в евро, а в долларе — лишь 37 % (по данным агентства *Barclays Capital*). Колоссальная экономическая мощь Европы становится подспорьем для расширения её роли на мировой арене: за последнее десятилетие государства-члены ЕС создавали собственные миротворческие миссии в зонах конфликтов, причём, как полагает С. Тейл, их успешность на 33 % выше, чем у США.

Ратификация Лиссабонского договора означает, что ЕС сможет действовать более слаженно и гибко благодаря учреждению поста президента и отмене принципа единогласного одобрения.

Восторженный тон этой повести Тейла «странно» противоречит фактам последнего времени: 16 марта 2010 года министры финансов ЕС отказали Греции в помощи по возврату её долгов, а в конце 2009 года по поводу сходных обстоятельств в Латвии ограничились «ценными советами» её правительству больше экономить и меньше занимать. Очевидно, что эти решения основывались на позиции богатых стран союза, то есть евросолидарность на деле существенно расходится с декларациями учредительных документов этой организации. Впрочем, было бы странно, если бы эти страны поступали иначе: в каждой из них ещё далеко до посткризисного благополучия, последствия рецессии проявляются в нарастании социальных конфликтов, ширится забастовочное движение в Великобритании, Италии, Германии и Франции; этим странам приходится нести основное бремя расходов на проведение миротворческих миссий и т. д. При таких обстоятельствах претензии «молодых» членов ЕС на особую роль в этой организации и на финансовые привилегии вызывают у правительств и населения богатых стран раздражение и даже негодование.

Тем не менее С. Тейл заканчивает свой прогноз будущего Европы сверхоптимистичными заявлениями: всего за 20 лет ЕС вырос из хаотического общего рынка, целиком зависящего от опеки США, в амбициозную, новаторскую, уникальную державу с коллективной властью. Он

считает, что «глобальные тенденции благоволят европейской модели» и что ЕС следует извлечь пользу из этих тенденций: «Надо обеспечить, чтобы его лучшее орудие распространения влияния, благополучия и своих ценностей — расширение — не прекращалось» [11]. Автор с удовлетворением отмечает, что ради вступления в ЕС Хорватия разрешила пограничный спор со Словенией, а Албания, где большинство населения — мусульмане, собирается узаконить гомосексуальные браки, дабы доказать, что может соответствовать «критериям гражданских прав ЕС». Безусловно, с таким «пополнением» «грозная мощь» Евросоюза, а следовательно, и его «опасность» для США и всего мира многократно возрастёт.

Если же на подобные процессы в Европе смотреть серьёзно, то нельзя отделаться от мысли, что они сознательно подталкиваются именно Америкой. Многие учёные, политики, крупные бизнесмены Западной Европы давно и безуспешно требуют остановить процесс расширения ЕС, в то же время со стороны США следуют противоположные рекомендации и «стимулирующие» действия. Непрерывное усложнение любой системы (а экономико-политической в особенности) делает её всё менее надёжной. Именно поэтому нельзя не заметить зловещего смысла в фразе из работы С. Тейла: «Пророчества об упадке Европы обычно не оправдываются» [11].

Ещё один «трагический» для Америки сценарий будущего ряд исследователей связывают с активизацией странного экономико-политического образования под названием БРИК (аббревиатура из названий стран-участниц: Бразилия, Россия, Индия, Китай). На первом саммите лидеры этих стран договорились (в июле 2009 года, то есть в разгар глобальной рецессии) разработать параметры новой мировой финансовой архитектуры, выступить с предложением реформирования ООН, мировой организации торговли, пересмотра роли МВФ и изменения системы принятия решений в этой организации до января 2011 года. Идеологи этой разнородной, имеющей слишком различающиеся экономические и политические интересы структуры (среди них — ведущий экономист инвестиционного банка Goldman Saks Джин О'Нил), доказывали, что к 2050 году эти четыре страны, используя *эффект синергии*, войдут в число ведущих экономических держав: опередят США по размерам ВВП, превратятся в главных экспортёров промышленных товаров, а Россия и Бразилия — ещё и сырьевых. Основания для такого оптимизма идеологов БРИК внешне очень убедительны: на эти страны приходится 26 % земной суши, в них проживает 40 % населения мира, ВВП составляет 15 % мирового, а валютные запасы — 42 % (по состоянию на начало 2009 года) [12].

Однако непредвзятый взгляд на возможности БРИК (аббревиатура созвучна с английским словом *brick* — кирпич) свидетельствует совсем о другом: лишь в мае 2009 года четыре страны увеличили свои международные резервы более чем на 60 млрд. долларов; за второй квартал 2009 года только Китай увеличил свои резервы на 178 млрд. долларов, доведя их общий размер до 2,132 трлн. долларов [12]. Получается, что, несмотря на значительное снижение прибыльности американских долговых обязательств, совсем плохая ситуация в экономике других стран вынуждает инвесторов направлять средства именно в американские гособлигации. Когда везде плохо, а где-то лучше, туда и бегут, чтобы спастись. Это и есть лучший ответ на вопрос: «Раздавит ли Америку «союз четырёх?» [12].

Анализ природы подобных образований (как на мировом, так и постсоветском пространствах) приводит к однозначному выводу: в них пытались «сойтись» страны с разными возможностями, интересами, фактически — конкуренты одна другой; под внешне броскими лозунгами «объединений» пытались скрыть растерянность, панику и даже истерику в связи с неразрешимыми трудностями национальных экономик.

Мы не исключаем, что идеи многих таких альянсов брали начало именно в Америке, но сами США ширококомасштабного участия никогда в них не принимали. Такое дистанцирование всегда помогало Америке действовать сообразно обстоятельствам и своим интересам, являть другим пример стабильности и уверенности. Что же касается красивых картин будущего всевозможных альянсов, которые, якобы, способны противостоять США (до 2035, 2050 и так далее годов), то, будучи написанными в основном американскими же экспертами, эти картины следует воспринимать не как отражение потенциальных способностей конкурентов США, а как изощрённо представленную научную иронию по поводу этих «способностей»: кому хочется в них верить, пусть верят; остальные же понимают, что крайне редко сбываются даже «короткие» прогнозы — глобальный кризис лучшее тому подтверждение.

Завершить анализ пессимистических прогнозов будущего крупнейшей экономики мира следует признаниями и оценками апологетов американской политической и экономической системы: их представления этого будущего выводятся из жёсткой (порою — беспощадной) критики недостатков этой системы при полной уверенности критиков в способности системы преодолеть свои недостатки и сохранить лидерство. К их числу относится, например, Нобелевский лауреат по экономике за 2001 год Джозеф Стиглиц. В ряде своих публикаций последних лет [13] он яростно отстаивает идею более сильного государственного контроля деятельности финансовых учреждений (банков,

инвестиционных и страховых компаний), которые ввергли экономику США и всего мира в кризис, а затем — в рецессию, но, получив от государства спасительную помощь, теперь всячески пытаются от этого контроля избавиться. Никакие внешние угрозы не представляют для будущего Америки большей опасности, чем беспредельное поведение её крупного финансового капитала. Стиглиц считает, что, одержав в этом противостоянии победу, государство даст позитивный пример всему миру: «Близорукость банков способствовала возникновению кризиса, и мы не можем позволить правительству, подзуживаемому финансовым сектором, продлевать его» [14].

По его мнению, финансовый сектор нанёс огромный вред обществу. Американская финансовая «промышленность» загрязнила мир «токсичными» бумагами, поэтому, согласно принципу «загрязнитель должен платить компенсацию», её необходимо обложить налогом на спекулятивную деятельность, который заставит банки сосредоточиться на исполнении их ключевой функции — предоставлении кредитов. Падение объёма выданных кредитов в 2009 году было наибольшим с 1942 года. Вследствие этого безнадёжные долги и случаи лишения должника права собственности находятся на таком уровне, какого не было три четверти столетия. В 2010 году ожидалось 2,5–3,5 миллиона акций лишения прав на заложенное имущество, что превысит объёмы 2009 года.

Проблемы с кредитами сужают возможности малого и среднего бизнеса; в значительной мере по этой причине тяжело решается проблема безработицы: каждый пятый американец, который хотел бы получить работу на полную ставку, не может её найти, а 40 % безработных не работают уже более 6 месяцев. Как уже давно усвоили в Европе, трудности увеличиваются с ростом продолжительности безработицы, так как утрачиваются профессиональные навыки и ухудшаются перспективы, а сбережения тают. Здесь Стиглиц имеет в виду опыт Великобритании, которая избежала тяжёлых потерь трудовых ресурсов благодаря тому, что её помощь банкам и политика на рынке труда оказались лучшими во многих отношениях.

Потеря собственности, безработица, снижение доходов как следствия кризиса коснулись более 10 млн. граждан, что подрывает социальную базу государства и потому крайне опасны для его будущего. Прогнозы относительно экономического роста в частном секторе допускают, что при отсутствии длительной правительственной поддержки существует риск бесконечной стагнации — очень слабого роста, чтобы вернуть безработицу на нормальный уровень. Но риски асимметричны: если эти пророчества ущербны и произойдёт полноценное выздоровление экономики, то затраты можно урезать или повысить на-

логи; если же эти допущения точны, то преждевременный выход из дефицитного бюджетного финансирования угрожает рецессией.

Дж. Стиглиц и другие специалисты считают, что наблюдающаяся некоторая самоуспокоенность администрации в связи с выходом США из рецессии — преждевременна; сокращение затрат сейчас ослабит экономику; пока затраты идут на инвестиции, обеспечивая умеренный возврат 6 %, долгосрочный долг будет уменьшаться, даже если краткосрочный бюджетный дефицит будет расти. Это произойдёт благодаря более высоким доходам от налогов, обеспечиваемых за счёт увеличения выпуска продукции в краткосрочном периоде и ускорения экономического роста в долгосрочном периоде. Пытаясь найти золотую середину между необходимостью стимулировать экономику и желанием удовлетворить «ястребов дефицита» (то есть сторонников сокращения поддержки бизнеса), администрация уничтожает шансы на её восстановление, чего позволить ей никак нельзя [14].

Однако «ястребы дефицита» приводят в защиту своей позиции не менее сильные аргументы. Один из них — Джеффри Кунер (Kuhner), руководитель института им. Эдмунда Бёрка (Вашингтон), в статье [15] заявил, что предлагал повысить роль государства, дефицит бюджета и расходы. Президент толкает Америку к банкротству — в период с 2009 по 2011 год к государственному долгу прибавится 3,7 трлн. долларов. За эти три года он наделает больше долгов, чем за 226 лет существования государства. Это прямая дорога к финансовому самоубийству, — констатирует Кунер. Стремясь раздуть общественный сектор и тратя огромные деньги на социальные программы, президент истощает частный сектор и ставит рынок в подчинённое положение к бюрократическому, корпоративистскому государству, что даст правящей либеральной элите намного больше власти над частным сектором. Кунер приводит слова историка Арнольда Тойнби: «Цивилизации не уничтожают друг друга, а только сами себя» — для подтверждения своей мысли о том, что при нынешней администрации Америка теряет свой статус сверхдержавы, деградирует и постепенно превращается в страну второго сорта.

Сравнение этих крайних взглядов на будущее страны видных апологетов американской системы объясняет главную причину беспочвенности пессимистических сценариев: решения в текущей и перспективной политике вырабатываются в процессе яростной борьбы мнений, при ясном осознании сильных и слабых аргументов сторон, длительном (но не бесконечном) их взвешивании общественным сообществом, учёными и политиками, а осуществляются при достижении консенсуса между всеми силами, одинаково верными этой системе.

Література

1. 7 дней, № 2 (688), 8 января 2010, с. 10–11.
2. Reklama, № 8 (762), February 25, 2010, p. 8.
3. Reklama, № 7 (761), February 18, 2010, p. 8.
4. The Christian Science Monitor, February 15, 2010.
5. The Los Angeles Times, March 10, 2010.
6. Wall Street Journal, September 20, 2009.
7. Newsweek, December 15, 2009.
8. Reklama, № 36 (742), September 24, 2009.
9. Кто победит в противостоянии США и Европы? //Reklama, № 9 (763), March 4, 2010, p. 12.
10. The New York Times, March 2, 2010.
11. Newsweek, November 22, 2009.
12. «Спілка чотирьох» розчавить Америку? // Час і Події, № 44, 5 листопада 2009, с. 10; Quartet defined by differences // Financial Times, June 16, 2009.
13. Дж. Стігліц. Як видертися із кризи // Час і Події, № 8, 25 лютого 2010, с. 22 ; Дж. Стігліц. Небезпека зниження дефіциту // Українське слово, № 12, 18 березня 2010, с. 2 (Переклади з англ.).
14. Project Syndicate, 2010, № 9.
15. The Washington Times, February 15, 2010.